

ВАЛЕРИЙ КРАСОВСКИЙ

**Письма
из прекрасного далека**

КНИГА СЕДЬМАЯ. ОТ ЗЛОТНОЙ ПРАГИ
ДО БРАТИСЛАВЫ

Валерий Федорович Красовский
Письма из прекрасного далека.
Книга седьмая. От золотой
Праги до Братиславы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39425055
ISBN 9785449381781

Аннотация

В книге описаны события, происходившие на территории Чехословакии в Центральной группе войск в восьмидесятых годах двадцатого века. Действующими лицами волей случая оказывались военнослужащие из числа офицерского, сержантского и рядового состава, члены семей служивших, вольнонаемные и местное население.

Содержание

ОТ ЗЛАТОЙ ПРАГИ ДО БРАТИСЛАВЫ	5
ЗА КОМБАТА	5
УЧЕНИЯ	14
КОЧЕРЫЖКИ ДОЛБАНЫЕ, ЧЕРТИ	18
ПОЛОСАТЫЕ	
МЕДИЦИНСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ	23
МУТНЫЙ ГЛАЗ	27
НА КАЗАРМЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ	32
ПЛОХОЙ СТРЕЛОК	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Письма
из прекрасного далека
Книга седьмая. От золотой
Праги до Братиславы

Валерий Федорович
Красовский

© Валерий Федорович Красовский, 2019

ISBN 978-5-4493-8178-1 (т. 7)

ISBN 978-5-4493-8177-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТ ЗЛОТОЙ ПРАГИ ДО БРАТИСЛАВЫ

ЗА КОМБАТА

Обо всех военных полевых тренировках и учениях, в которых моему действующему лицу доводилось участвовать, нет смысла рассказывать, так как по большей части они проходили напряженно, утомительно и рутинно. Но еще об одном командно-штабном учении хочется рассказать. Это было в центральной группе войск. Еремин только что прибыл туда на должность ведущего хирурга медицинского батальона. Обстоятельства устроили ему профессиональную проверку в первый же день, так как пришлось оперировать по поводу острого аппендицита одну из медицинских сестер, работавших по контракту. Еремин сделал операцию быстро, так как технических сложностей по ходу не было. Когда он вышел из операционной, к нему подошел посыльный и сообщил, что вызывает комбат. Прервав докладной официоз, командир батальона, майор Каратаев без предисловий сказал:

– А ты молодец! Я засек время, когда ты вошел в операционную, и, когда вышел. На все про все двадцать минут. У меня еще никто в медсанбате так быстро не делал опера-

ции по поводу аппендицита.

– Раз на раз не приходится. В данном случае отросток располагался в типичном месте, был без спаек, подвздошная кишка легко вывелась в рану.

– Это понятно. Тем не менее, уметь укладываться в определенные временные параметры это профессионализм.

Еремину в глубине души было отрадно, что он произвел положительное впечатление на своего командира, но одновременно понимал, что доверие и доброе мнение приходится добывать тяжелой повседневной работой, в которой промахи не прощаются.

– Присаживайся! – сказал комбат и сделал рукой жест, показывая куда.

– Спасибо! – ответил Еремин и присел на указанный стул.

– А сейчас давай выпьем за удачно проведенную операцию! Рабочий день уже давно закончился. Сколько сейчас?

– Половина одиннадцатого.

– Ну, вот! А мы все на работе. Я посмотрел твое личное дело и дал команду, чтобы возможно быстро оформили документы для прибытия сюда твоей семьи... Жена и дочь у тебя?

– Да.

Комбат достал из шкафа объемный флакон с прозрачной жидкостью, которая от передислокации на стол зловеще заколебалась.

– Спирт! Семидесяти процентной концентрации! – уточ-

нил он.

Еремину тут же вспомнилась его единственная попытка на прежнем месте службы выпить спиртосодержащей жидкости после окончания цикла обучения у него одного из врачей от авиации. Из того, что тот принес на фуршет, выпил он всего грамм сто, а плохо было около суток. Каратаев налил спирт себе и Еремину поровну и подал стакан.

– Извините, Николай Александрович, – обратился Еремин к своему командиру по имени отчеству, – я не буду. Неизвестно, какая патология может служить в ближайшее время, а на должности хирургов у вас лейтенанты без стажа практической работы.

Комбат внимательно посмотрел на Еремина, опрокинул в рот свой стакан, затем поставил бутылку обратно в шкаф.

– Ладно, иди! Будем считать, что познакомились.

Ритм служебных дел был очень напряженным: ночные проверки и дежурства, целая череда зачетов по физической подготовке, химической защите, стрельбе, знанию устава и военно-полевой хирургии, строевые тренировки, почти ежедневные визиты проверяющих. Идеологом в батальоне был умудренный человек в звании майора долгожителя возрастом около пятидесяти лет. Он не выделялся и не главенствовал, а тонко подчинялся нуждам армейской медицины, и свою работу умело подстраивал под общие задачи медицинского обеспечения. В феврале-марте было масштабное учение с полным развертыванием медицинского батальона.

На весеннее командно-штабное учение Еремин не ездил. А летом в июле комбат вызвал его и сказал: «Поедешь вместо меня. Возьмешь мою новую машину, медицинский узик и две машины технического обеспечения. Пойдете в составе колонны автомобильного батальона».

Сигнал общего сбора был подан поздно вечером. Огромная колонна дивизионной техники потянулась по серпантинам северо-моравских гор. Управляли автомобилями, как правило, солдаты после учебной части первого года службы, и за ними был нужен глаз да глаз. Они то и дело пытались вздремнуть за рулем, и старшим автомобилями из офицерского состава и прапорщиков приходилось постоянно тормозить их, чтобы не сорваться в пропасть. А потери уже были. На одном из горных поворотов справа внизу, задержанная стволами могучих елей, зависла над горным ручьем одна из машин. Рядом на склоне сидело два солдата. У одного была перебинтована голова, у второго рука покоилась на козынке. Третий оказывал им помощь. Еремин инстинктивно приказал остановиться, чтобы помочь, но потом, вспомнив, что это не входит в его функции, так как батальонные колонны укомплектованы врачами, только спросил: «нужна ли помощь?» Услышав отрицательный ответ, они двинулись дальше. К намеченному рубежу вышли в срок. Побывав на разборе предварительного этапа учений и, нарисовав несколько значков на своей карте, Еремин вернулся в расположение. Вскоре техника пошла дальше. Однако возник-

ло осложнение – сломался командирский уазик, на котором ехал Еремин. Ему пришлось пересест в другую машину, а неисправную взять на буксир. В полдень колонна остановилась. Еремин приказал водителю использовать этот шанс и выяснить причину неисправности. Оказалось, что сломался бензонасос. Выпал осевой стержень, на котором крепится колеблющийся механизм подачи топлива. Вместо сломанного стержня приспособили гвоздь, подходящий по толщине. С одной стороны его держала шляпка, а со второй его загнули. Уазик взревел от готовности тут же бежать по дороге. Колонны пошли дальше в сторону западной границы. Горы остались позади, по сторонам тянулись сельскохозяйственные угодья. Поля были аккуратными, ухоженными, оборудованные мелиоративными системами. На них зрел урожай. Крытые красной черепицей домики казались сказочными и миниатюрными, как в «городке-табакерке». Путь пролегал по широкой асфальтированной дороге. Было раннее утро. Навстречу ехало множество легковых и грузовых чешских автомобилей. Впереди, метрах в пятистах, Еремин заметил слева на обочине неподалеку от дороги лежащий вверх колесами бензовоз. Он подъехал к месту происшествия и остановился. Рядом с бензовозом лежала вырванная с корнем яблоня, еще две яблони были сломаны и остались на месте. На дороге стоял изуродованный легковой автомобиль иностранного производства. На его стеклах были кровавые потеки. На траве лежало два трупа. Это были мужчины. Жен-

щина и подросток остались живыми, но были травмированы, лица их также были испачканы кровью. Они лежали на носилках. В то же мгновение подъехала вызванная полицией машина скорой помощи и забрала пострадавших. Несколько очевидцев из местных жителей подбежало к армейской колонне с криками: «Оккупанты! Зачем вы убиваете наших людей! Убирайтесь домой!» Виновник сидел возле своего бензовоза, опустив голову и обхватив колени руками, он был абсолютно невредим. На душе у Еремина было скверно. Послышалась команда: «Не останавливаться! Двигаться дальше!» Утро следующего дня участники учений уже встречали на указанном рубеже. По минимуму развернулись и ждали дальнейших распоряжений. Вокруг было множество фруктовых насаждений. Вдоль дорог произрастали яблони, груши, вишни, сливы, ореховые деревья. Массивные старые черешни росли на холмах и по склонам буераков, по оврагам, в разных укромных местах. Ягоды были уже зрелые и очень сладкие. Чешская полиция разрешала передвигаться военным колоннам в основном ночью, когда на дорогах наименьшее число гражданской техники. После подведения итогов «воюющие стороны» ожидал последний ночной марш-бросок к местам постоянной дислокации. Он оказался самым трудным периодом учений. Уже минуло трое напряженных суток перемещений с бессонными ночами. Молодые солдаты буквально падали на руль от усталости. Еремин приказал двигаться с минимальной скоростью и несколько раз пере-

хватывал руль у засыпающего водителя. Периодически останавливались, делали физические упражнения, освежали лицо водой. Позади командирской машины ехал санитарный автобус, где за старшего водителя был один из молодых хирургов. Он отличался своей аккуратностью в работе и на учениях держался достойно, как и все остальные представители военной медицины. По возвращении действия медицинского батальона были оценены на «хорошо». Комбат поблагодарил за работу и, выяснив некоторые детали, в заключение спросил:

– Ну, и как впечатления в целом?

– Рад, что этот экстрим закончился! – ответил Еремин.

– Будет что вспомнить потом.

Водитель командирского уазика отъездил с гвоздем в бензонасосе до окончания срока своей службы и передал ее потом сменщику. Комбат через пару месяцев получил повышение и отбыл в центральное военно-медицинское управление.

Во время одной из операций.

Для хирурга крайне важны профессиональные хорошо подготовленные помощники.

Удаление воспаленного аппендикса – наиболее частая операция в полостной хирургии.

УЧЕНИЯ

Дивизионные учения должны были начаться в первой декаде марта. Медицинскому батальону предстояло полное развертывание. Когда со скоростью звука пролетел слух, что прибыли проверяющие из штаба группы, напряжение достигло высшего предела. Имущество уже было погружено на машины, личный состав из числа офицеров, прапорщиков, сержантов и армейских служащих, в основном медицинских сестер был готов в любую минуту выдвинуться в указанном направлении. Прошли сутки, но команды к совершению марша не поступало. Еремин вторую ночь ожидания, как и первую, коротал, не раздеваясь. Ночевать было разрешено дома, потому что служебные квартиры находились на территории гарнизона. Стрелку звонка будильника он поставил на четыре тридцать и задремал. Через несколько мгновений, как ему показалось, он открыл глаза. На часах было четыре двадцать пять. Чтобы не тревожить семью, он нажал кнопку, отключив сигнал. Затем плотнее задернул шторы и включил маленькую настольную лампу, светившую только вниз. Выпив чашку чая, он вышел на улицу. Как и вчера было туманно, но плотность белого марева была меньше, чем накануне. Всходило солнце, высвечивая сюрреалистические картины земного бытия. Еремин направился в хирургическое отделение. Ответив на приветствие де-

журного, он прошел дальше по коридору в ординаторскую, решив узнать о самочувствии недавно прооперированных больных. И в это время прозвучал сигнал боевой тревоги. Гарнизон пришел в движение.

Колонна машин медицинского батальона вскоре достигла района развертывания. Дорожно-транспортных происшествий не было, если не считать нескольких поломок. Вышедшие из строя автомобили были взяты на буксир. Каратаев вызвал Еремина, и они начали рекогносцировку местности. Площадка для предстоящих действий была довольно ровная. К ней примыкали сельскохозяйственные угодья. В разных местах было несколько древесно-кустарниковых островков. Снег полностью растаял, и грунт местами стал мягким и податливым.

– Ну, что скажешь? – спросил Каратаев Еремина, когда они обследовали местность

– Машины будут вязнуть.

– Да, участок мы пропашем основательно, а главное палатки все загрязним. Месяц их потом надо будет сушить и чистить. Ну, и чехи штраф пропишут по полной программе.

– И совсем рядом поле с посевами.

– Подполковник Феофанов ткнул пальцем на карте, а нам сейчас проблемы. Да, ты предупреди своих офицеров и сестер, – продолжал Каратаев, – чтоб ему никто не налил под любыми предлогами, пока учение не закончится.

– Николай Александрович, видите вот тот хвойный лес

в километре от нас? Перед ним снежная полоса белеет.

– Ну, и что?

– Давайте туда пройдем!

– А ты сообразительный! Прямо мои мысли читаешь! Теория не догма? Так?

– Конечно.

Возле леса и в самом лесном массиве еще лежал снег. Он подтаял, но еще был достаточной толщины, чтобы сохранить грунт в замороженном состоянии. Комбат и ведущий хирург быстро обследовали лесной участок.

– Приспособивай схему развертывания к местности и рельефу! Я даю команду на развертывание! – распорядился Каратаев.

Техника автомобильного батальона начала съезжать с дороги и рассредоточиваться вдоль кромки леса. Палатки ставились прямо на снег, расстилались брезентовые полы, размещалась и подключалась аппаратура. Слышался звук мотора дизельного генератора. Еремин то быстрым шагом, то пробежкой метался между отделениями, помогая в работе. До приезда проверяющего оставалось около получаса, когда стали поступать доклады о готовности подразделений к работе. Первыми развернулись приемно-сортировочное и противошокное отделения. Каратаев удовлетворенно посмотрел на часы, затем позвал посыльного за Ереминым.

– Я наблюдал за твоей работой и хочу дать тебе совет, – обратился он к ведущему хирургу, когда тот доложил о прибы-

тии. Ты должен только наблюдать. Не нужно помогать с разгрузкой, погрузкой, переноской и прочее...

– Да, медицинские сестрички некоторые совсем щуплые. Как не помочь!

– Пускай заведующие отделениями и ординаторы пошевеливаются. Твоя задача организовать и подключаться самому только при необходимости. Феофанов не появлялся?

– Нет.

Начальник медицинской службы дивизии прибыл вместе с проверяющим офицером из группы и был трезв. Личный состав батальона справился с поставленной задачей, но вскоре поступила команда о передислокации и новом развертывании по сокращенной схеме в другом месте. На завершающем этапе учений все уже были утомлены до предела, особенно милосердная часть коллектива и Еремин, проигнорировав совет комбата, помогал в погрузке палаток и прочего имущества перед маршем к месту постоянной дислокации. Каратаев, прохаживаясь, за всем зорко наблюдал, периодически что-то отмечая в своей записной книжке. Феофанов где-то нащупал слабое место в батальонном коллективе и после принятия дозы улегся на носилки в санитарном автобусе и сладко уснул.

КОЧЕРЫЖКИ ДОЛБАНЫЕ, ЧЕРТИ ПОЛОСАТЫЕ

Еремин вышел из операционной, снял резиновые перчатки, опустил их в емкость с дезинфицирующим раствором, начал разматывать тесемки на запястьях. Санитарка развязала халат сзади, помогла снять. Затем Еремин освободился от двух масок на лице и облегченно вздохнул. Мимо на каталке повезли в палату прооперированного больного. В коридоре к нему подошел заведующий отделением Лабазов, по военной терминологии командир операционно-перевязочного взвода, и сообщил:

– Валерий Алексеевич, к нам зашел начальник медицинской службы дивизии подполковник Феофанов Иван Тимофеевич. Он хочет с вами поговорить.

Еремин после прибытия в группу войск еще ни разу не встречался со своим дивизионным начальником, так как тот постоянно где-то отсутствовал.

– А с какой целью он заглянул к нам?

– Возможно, познакомиться, или как обычно.

– Это как понимать?

– Да сами узнаете.

– А где он?

– Пошел в учебный класс.

Еремин подошел к высокому худощавому уже седому че-

ловеку, который рассматривал наглядные пособия, плакаты, схемы развертывания... и представился:

– Майор Еремин, ведущий хирург. По вашему приказанию прибыл.

– Тебя как по отчеству? Валерий Алексеевич? – переспросил, видимо, чтобы запомнить, Феофанов и продолжал: – Ну, как на новом месте устроился.

– Пока живу в офицерской палате. Помогаю дежурным врачам.

– Служебное жилье здесь дают быстро. Каждую неделю офицеры убывают в Союз. А какое впечатление от коллектива?

– Хорошее.

– Комбат мне охарактеризовал тебя с положительной стороны. Но кроме работы в медсанбате тебе придется ездить со мной по частям на проверки и всякие экстренные разборки. Понял?

– Да, – ответил Еремин, – это же входит в круг моих должностных обязанностей.

– Тяжелые больные есть?

– На данный момент нет.

– Так и должно быть. Мы обеспечиваем части с постоянной боевой готовностью и должны в случае необходимости покинуть гарнизон за пару десятков минут.

– Я в курсе, с мобилизационными документами уже ознакомился.

– А какое впечатление на тебя производит Лабазов?

– Старательный, аккуратный. Правда, хирургической практики у него было маловато.

– А ты за ним присматривай, подстраховывай...

– Я помогаю всем хирургам.

По выражению лица Феофанова было видно, что разговор ему в тягость и ведет он его по служебной необходимости.

– А сейчас кого оперировал?

– Рядового из саперного батальона с переломом и подвывихом в голеностопном суставе.

– Ты вот что, – неожиданно прервал тему разговора подполковник Феофанов, – налей мне пятьдесят граммов ректификата и попроси в вашей столовой пару сырых яиц. Язва обострилась. Только такое лекарство и помогает.

Еремин сразу же понял смысл фразы Лабазова «как обычно».

– Давайте мы вас проверим, узнаем, где язва, какая, проведем лечение.

– Я уже обследовался в групповом госпитале. Ты давай поторопись. Отведи меня в офицерскую палату. Я там подожду.

Феофанов одним глотком проглотил мензурку со спиртом, принесенную старшей медицинской сестрой, крякнул, расковырял и высосал два куриных яйца, зажевал их кусочком черного хлеба, повеселел, зарумянился и бодро покинул медицинский батальон, проговорив уже на крыльце свою

излюбленную фразу: «Ну, смотрите, черти полосатые, кочерыжки долбанные, чтоб все было в порядке!»

2.

Это произошло несколько месяцев спустя. Был конец рабоче-го дня. Еремин сидел за своим рабочим столом в ординаторской и просматривал график дежурств. Вместе с ним в комнате находился Лабазов и два его ординатора. Вдруг входная дверь резко открылась и, как призрак, возник подполковник Феофанов. Он сделал несколько шагов и остановился посередине ординаторской. Его внимание что-то привлекало. Он, следуя своему зрительному восприятию, быстро поворачивал голову влево, вправо, вверх, вниз, словно пытаясь что-то рассмотреть. Но это что-то, видимо, было подвижным и не давало возможности зрительно сосредоточиться на себе. В следующее мгновение Феофанов одним шагом достиг стола Лабазова и двумя руками попытался то ли что-то схватить, то ли кого-то поймать. При этом Иван Тимофеевич помял два листа бумаги и сбросил на пол несколько историй болезни, в следующее мгновение он переключился на ординатора, потрепав ему халат. Затем его ладони сомкнулись над спинкой стула. Послышался возглас: «Гад, увернулся! Все равно поймаю!» Он бросился к мусорной корзине, опрокинул ее и среди вороха рассыпавшихся бумаг, встав на колени, продолжил преследование своего врага.

– Вот, сволочь, еще мне рожи корчит!

Еремин все понял. Он подошел к начальнику медицинской службы дивизии и сказал:

– Иван Тимофеевич, успокойтесь! Мы его поймали!

– Покажите!

– Он в биксе! – Еремин показал пальцем на бикс со стерильными сменными масками. – Но его открывать нельзя.

Затем Еремин жестом позвал Лабазова и шепнул ему на ухо:

– Вызови невропатолога и набери в шприц седативное, я попытаюсь его уговорить на укол.

Общими усилиями хирурги успокоили своего дивизионного начальника, после укола тот крепко уснул. Спал почти сутки и, проснувшись, ничего не помнил. Феофанову шел пятьдесят второй год, он готовился к убытию в Союз и увольнению в запас.

МЕДИЦИНСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

– С вами хочет поговорить подполковник Феофанов, – сообщила Еремину постовая медицинская сестра хирургического отделения, подавая телефонную трубку.

– Майор Еремин, слушаю, – представился он своему начальнику.

– Даю тебе пять минут на сборы и ко мне. Выезжаем в часть.

– А что там произошло? – попытался выяснить Еремин.

– На месте все узнаешь. Вот «кочерыжки долбаные, черти полосатые», – слышалась любимая фраза начальника медицинской службы дивизии.

Еремин сообщил о своем отъезде комбату Каратаеву, взял тревожный чемодан и направился к штабу дивизии. В армейском уазике его уже ждал Феофанов.

– В танковом полку случилось неприятное происшествие, – когда выехали за контрольно-пропускной пункт начал информировать он Еремина. – Солдат умер прямо в строю. До демобилизации ему оставалось полгода. Надо разобраться. Есть ли там вина медицинских работников? Командир полка хочет свалить все на нас. Завтра солдата повезут на судебно-медицинскую экспертизу, так что у тебя для выяснения всех обстоятельств и постановки посмертного диагноза время максимум до восьми ноль-ноль.

На место прибыли уже затемно. Умерший солдат лежал укрытый белой простыней на перевязочном столе в полковом медицинском пункте. Из его медицинской книжки значилось, что звали его Далгат, фамилия Ибрагимов, отчество Ахмедович, возраст двадцать лет. К врачам за период службы обращался несколько раз по поводу ссадин и потертостей. Осмотр тела ничего не прояснил. Внешних проявлений каких-либо заболеваний и травм не было.

– Ну, что скажешь? – поинтересовался Феофанов.

– Пока не за что зацепиться. Надо побеседовать с его друзьями и сослуживцами, – ответил Еремин. – Я пойду в казарму, может быть, там что-то выясню.

Еремин начал поочередно опрашивать солдат, которых ему направлял командир роты. Это были те, с которыми наиболее тесно общался Ибрагимов и его друзья. Время пролетало мгновенно, а все оставалось на нулевом цикле.

«Так не годится», – подумал Еремин.

– Постройте мне все подразделение, – распорядился он.

– Рота строиться! – раздалась команда.

Когда построение завершилось, Еремин встал перед солдатами и сообщил:

– Как вы знаете, внезапно умер ваш сослуживец Ибрагимов. Мне нужно выяснить возможную причину его болезни и смерти. Вспомните, пожалуйста, что изменилось в его поведении за последнее время.

– Далгат получил из дома письмо, но почему-то сам

не смог его прочитать, пояснил, что глаза слезятся, и попросил меня, – сказал один и сослуживцев. – А раньше у него со зрением было все в порядке.

– Так. Это уже интересно.

– У него в последнее время зверский аппетит появился, ел все подряд, – слышался голос со второй шеренги.

– Да, да! – подтвердили еще несколько человек.

– Еще он говорил, что голова стала кружиться, сообщил из строя сержант.

Еремин попросил остаться тех, кто высказался о своих наблюдениях, а остальных отпустил. Со слов сослуживцев скончавшегося солдата у Еремина четко складывалась убежденность, что Далгат Ибрагимов умер от разрыва кисты головного мозга. Он написал свое заключение и вернулся в медицинский пункт. Феофанов уже спал. Он свернул свое длинное худое тело калачиком и натянул на себя синее шерстяное госпитальное одеяло, из-под которого выглядывал только нос. Пружина кровати под ним глубоко прогнулась, и начальник медицинской службы казался неестественно маленьким. Разбудить его не удалось. Полковой врач сообщил, что Феофанов потребовал сто граммов спирта, пару куриных сырых яиц и ломтик хлеба. Выпил, закусил и лег спать. На следующий день приехал судебно-медицинский эксперт, прочитал заключение Еремина и увез тело Ибрагимова для вскрытия.

Прошло около двух месяцев. В хирургическом отделении

раздался звонок. Ординатор поднял трубку:

– Это вас.

– Еремин у телефона.

– Зайди ко мне на пару минут, – услышал он голос Феофанова.

Когда Еремин зашел в кабинет дивизионного начальника, тот протянул ему лист бумаги со штампом судебно-медицинской экспертной комиссии и сказал:

– Читай вслух!

Еремин прочел заключение:

– Смерть рядового Ибрагимова Далгата Ахмедовича наступила от разрыва кисты головного мозга в передней черепной ямке.

– Ну, как мы их! А! – воскликнул Феофанов и самодовольно улыбнулся. – Я через часок к вам зайду, вы мне спирта пятьдесят грамм приготовьте.

МУТНЫЙ ГЛАЗ

Когда регламентированный рабочий день закончился к Еремину подошел заведующий хирургическим отделением Лабазов Григорий Антонович и предложил:

– Валерий Алексеевич, давайте по пути завернем в «Мутный глаз» и выпьем по бокальчику чешского пива. Вы, наверное, кроме «жигулевского» другого и не пробовали?

«Мутный глаз» – так метко прозвали учреждение военной торговли с вывеской «кафе» острословы из-за круглого светового плафона, висевшего над входом. Плафон тускло мерцал по вечерам и казался анатомической принадлежностью пьяного одноглазого пирата.

– Я не против, так как действительно чешского пива ни разу в жизни не пробовал, – ответил Еремин, и они направились через плац дивизии к торговому заведению.

Слово Чехия невольно ассоциируется с пенящимся бокалом янтарной жидкости именуемой пивом. Некоторые из военнослужащих центральной группы, обладавшие коллекционной жилкой, пытались собирать этикетки и рекламные издания, посвященные сортам этого национального напитка. Коллекционные собрания доходили до сотни названий, но, как иронично сообщали им чешские друзья, это далеко не все, так как в каждом местечке есть свой секретный пивной рецепт и соответствующий герб. Пивоварение в Чехии

это традиция, а традиция, как известно, составная часть народной культуры.

В кафе можно было купить как бутылочное пиво, так и разливное. Официанты и продавцы учреждения, скорее всего, пытались не безуспешно разбавлять водой этот славный напиток, несмотря на жесткий контроль посетителей. Жадность и нажива у некоторых представителей торговли, казалось, входит в структуру организма, как обусловленный генами инстинкт. Иногда стихийно возникала комиссия, требовавшая открывать новую бочку с «Пльзеньским Праздроем» двенадцати процентной плотности в ее присутствии. Этот сорт пива также носил названия «Урквелл» и «Гамбринус».

Военные медики сели за один из столиков. К ним тут же, словно порхающая бабочка, лавируя между посетителями, подлетела официантка в белом передничке с кармашками и такого же цвета матерчатой накрахмаленной короне поверх прически.

– Здравствуйте! Что будем заказывать?

– Привет, Светлана! Познакомься: майор Еремин, наш новый ведущий хирург.

Официантка кивнула головой и миловидно улыбнулась. В руках она привычно держала блокнотик и короткий карандаш.

– Только что открыли бочонок светлого «Гамбринуса». Двенадцать плотности, пять алкоголя, – проинформировала

знакомая Григория Антоновича.

– Тогда по бокалу и что-нибудь соленькое.

– Есть вяленые спинки воблы в упаковке.

– Пойдет.

По содержанию алкоголя пиво классифицировалось как очень крепкое, крепкое, слабое и вообще безалкогольное.

Как часто могли себе позволить служивые визиты в кофейное заведение? В месяц Еремину выплачивалось две тысячи триста крон. Одна крона равнялась десяти советским копейкам. Пара женских туфель стоила триста крон. Жены, как правило, не работали. За счет вычета из рублевой части оклада выдавался паек из основных видов продуктов, но для полноценного питания его было недостаточно. Провизию приходилось докупать. Денег хватало в обрез, поэтому пивные посиделки были редкими, один два раза в месяц на строго ограниченную сумму. В Союзе во время отпусков закупали все, что разрешалось провозить через кордон, и что можно было продать чешским знакомым по возвращении. Вырученные средства тратились на приобретение того, что было в дефиците на Родине. А в гарнизоне за каждую освобождающуюся должность шла конкурентная борьба. Возможность жене офицера получить временную работу считалась удачей.

Официантка Светлана поставила на стол две литровых емкости цилиндрической формы с ручками. Они были наполнены до верхней метки, а сверху возвышались, перели-

ваясь медленно через край, горки пены. Лабазов взял один бокал, вдохнул в себя часть пенного кипения и сказал:

– А сейчас проверим плотность народным методом.

Он достал алюминиевую монету достоинством в десять геллеров и аккуратно положил ее поверх пенного сгустка. Пена держала монету.

– Смотри-ка, не тонет! – удивился Еремин.

– Да, все замечательно.

Лабазов снял монетку и начал медленными глотками пить золотистый напиток, чередуя его употребление с жеванием соленых ломтиков воблы. За соседний столик сели двое: капитан с эмблемами автомобильных частей и лейтенант танкист.

– Сейчас будет должности продавать. Я этого проходимца уже давно знаю, – кивнул в сторону капитана Лабазов.

– Ну, что будем заказывать? – слышался голос капитана.

Лейтенант листал меню.

– «Будвар», «Праздрой», «Старопрамен», «Велкопоповицкий Козёл»...

– «Велкопоповицкий Козёл», – с издевательской улыбкой поправил лейтенанта его напарник.

– А почему такое название?

– Село есть такое Велке-Поповице. Монахи пару веков назад начали варить там пиво. Ну, а чехи ежегодно отмечают День козла, когда можно упиваться до козлиного состояния.

Соседи говорили громко и Еремин, не желая того, хорошо все слышал.

– «Крушовице», – продолжал чтение офицер-танкист.

– Давай начнем с «Будвара»! – прервал его капитан-автомобилист.

Еремин представил себя в столовой-ресторане родного города с меню в руках, где в разделе напитки после комплексного обеда одну из строк занимало одинокое слово «пиво» без указания марки.

Лейтенант с капитаном быстро опустошили свои емкости. Капитан ненароком успел сообщить своему молодому напарнику, что у него в штабе группы служит родственник, занимающийся кадровыми вопросами и способный помочь в продвижении по службе. Было видно, как лейтенант настроился и тут же заказал еще два бокала «Старопрамен». Так как разливного этого сорта не было, им принесли бутылочное. Пока Еремин с Лабазовым пробовали «Гамбринус», соседи начали вливать в себя уже третий сорт в честь внеочередного звания и стремительного должностного продвижения лейтенанта-танкиста.

Чем закончится карьерный рост у лейтенанта военные медики не стали дожидаться, расплатились с официанткой и разошлись по служебным квартирам.

НА КАЗАРМЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ

В ординаторскую медицинской роты зашел замполит медицинского батальона и передал Еремину подборку газет и брошюр об истории Польши и текущих событиях в этой стране.

– Прочтите сами и ознакомьте с материалами своих подчиненных. Здесь много интересного. Потом все вернете.

– Когда вернуть?

– Если никаких особых команд не будет, то дня через три.

– Хорошо, вернем в срок, – ответил Еремин и углубился в чтение принесенных материалов.

Неуемная, сложная, кровавая, полная конфликтами история Польши и после второй мировой войны, как горная река, продолжала бурлить и шлифовать валуны государственного устройства. Спустя месяц после разгрома гитлеровской Германии в июне одна тысяча девятьсот сорок пятого года было сформировано «Временное правительство национального единства», признанное союзниками. Одновременно в Лондоне существовало «Польское правительство в изгнании». Между ними началась непримиримая идеологическая и на первых порах вооруженная борьба за власть, в которой участвовала часть бойцов Внутренней армии (Армия крайова), ранее сражавшихся против немецкой оккупации. Вооруженное подпольное сопротивление пре-

кратилось только спустя три года после войны. По решению Потсдамской конференции к Польше отошла часть Восточной Пруссии и немецкие земли восточнее рек Одер и Нейсе (Померания, Нижняя Силезия и часть провинции Бранденбург). С этих территорий немецкое население было изгнано. Советский Союз в свою очередь передал Польше Белостокскую область и ряд других небольших территорий. По договоренности между правительствами Польши и СССР лица польской и еврейской национальности, бывшие гражданами Польши в довоенное время и проживающие в Советском Союзе, могли переселиться в Польшу, а лица русской, украинской, белорусской, русинской и литовской национальностей, проживающие в Польше, должны были переехать в СССР. По разным данным в Польшу переселилось от одного до полутора миллионов человек, в СССР более пятисот тысяч. В ходе операции «Висла» в одна тысяча девятьсот сорок седьмом году с целью подрыва деятельности «Организации украинских националистов» (бандеровцев) и «Украинской повстанческой армии» было принудительно перемещено в западные и северо-западные воеводства Польской народной республики около ста сорока тысяч украинцев, русинов, лемков и смешанных семей. Уничтожение гитлеровцами евреев, послевоенное изгнание немцев, обмен населением с Советским Союзом делали Польшу практически моноэтническим образованием. Руководство Польшей в послевоенное время осуществляли Болеслав Берут, Владислав Гомуля

ка, Эдвард Герек, Станислав Каня.

Владислав Гомулка проводил политику либерализации, но после подавления студенческих волнений, развернутой шовинистической «антисионистской» компании, вынудившей многих остававшихся в Польше евреев покинуть страну, после повышения цен на товары широкого потребления и последовавших за этим забастовок был вынужден уйти в отставку.

Эдвард Герек активно кредитовал экономику страны, что способствовало ее стремительному росту. Однако к началу восьмидесятых годов внешняя долговая нагрузка стала для Польши непосильной, разразился социально-экономический кризис. Приобрело влияние общенациональное движение «Солидарность», возглавляемое электриком Лехом Валенсой.

Сменивший Герека Станислав Каня также не смог справиться с ситуацией, усугублявшейся коррупционными разоблачениями и некомпетентностью руководителей на местах.

В декабре одна тысяча девятьсот восемьдесят первого года министр обороны генерал Войцех Ярузельский ввел военное положение. Активисты «Солидарности» были задержаны.

Как стало известно позже, руководство Советского Союза даже не рассматривало вопрос о введении дополнительных воинских формирований на территорию Польской на-

родной республики, тем не менее части тридцать первой танковой дивизии перевели на казарменное положение.

Майор Еремин сидел за столом в обмундировании, перед ним лежала кипа газет и брошюр, рядом стоял тревожный чемодан.

– Валерий Алексеевич, можно вас попросить осмотреть одного больного, – обратился к ведущему хирургу начальник приемного отделения капитан Лесков Семен Павлович.

– Которого?

– После флегмонозного аппендицита. Я его позавчера оперировал.

– Да, я в курсе. А что случилось?

– Сегодня у больного усилилась болезненность возле операционной раны.

– А температура?

– Вчера была в норме, а сегодня утром подскочила до тридцати восьми градусов.

– Это плохо. Рану наглухо зашил?

– Да. Я отросток удалил полностью.

– Давай посмотрим.

Еремину пришлось переодеться и идти смотреть больного. В перевязочной палате он снял три шва, развел раневые края. Ложе отростка было черным. Зашивание раны наглухо было тактической ошибкой хирурга.

– Надо было дренировать и наложить первично отсроченные швы, – подсказал он Лескову.

Затем Еремин вставил дренаж, наложил стерильную повязку с гипертоническим раствором хлорида натрия, назначил антибиотики.

– Нужно очень аккуратно оперировать, чтобы не распространить инфекцию и строго соблюдать правила асептики. Это у тебя уже второй случай с подобным течением, нужно поработать над этой проблемой.

Наступило время обеденного перерыва. Офицерам, чьи квартиры были на территории части, разрешалось ходить домой, остальные находились на довольствии в солдатской столовой и пользовались сухими пайками. Ожидание всегда томительно. Текущая работа не могла занять все время, поэтому его избыток старались чем-нибудь наполнить. Обычно играли в шахматы, шашки или домино. На место Феофанова прибыл новый начальник медицинской службы дивизии подполковник Салахов. И, как только один из военных медиков упомянул его фамилию, он, словно джин, неожиданно появился перед своими подчиненными, выйдя из тени медсанбатовского коридора в холл, служивший ординаторской.

Кто-то скомандовал:

– Товарищи офицеры!

Все дружно поднялись. Ожидаемой фразы: «Можете садиться» не последовало. Воцарилась напряженная тишина. Салахов хмуро обозрел лица офицеров и столы, на которых замерли игровые баталии, затем резко произнес:

– Немедленно убрать!

Заведующий отделением капитан Лабазов попытался возразить:

– Товарищ подполковник, мы уже здесь сидим почти неделю! Надо же чем-то заняться.

– Уставы и специальную литературу читайте.

– Да мы это уже почти наизусть выучили.

– Прекратить разговоры! Немедленно все убрать!

Еремин нехотя сдвинул с шахматной доски позицию и начал складывать фигуры. За ним последовали другие.

– Вот так-то лучше, – сквозь губы проговорил Салахов и удалился.

– Наверное, хочет на повышение досрочно пойти, – вслед ему громко проговорил капитан Лабазов.

Иногда, но очень редко, обращались заболевшие военнослужащие и члены их семей. Их осматривал дежурный врач, остальные занялись чтением. Дело близилось к вечеру. Два врача-ординатора задремали, подперев головы руками. Предыдущие ночи спали по очереди. Ожидание утомляло хуже работы.

– Давайте-ка сыграем в подкидного, а? – предложил Лабазов, доставая из кармана колоду карт.

Сонные медики оживились, посмотрели на Еремина. Валерий Алексеевич изобразил на лице нейтралитет. Оценив это, как знак согласия, к командиру оперативно-перевязочного взвода подсело несколько человек, и началась игра.

– Так вот как вы выполняете мои распоряжения! – неужи-

данно раздался голос Салахова. Оказывается, он все это время находился неподалеку в пустой офицерской палате, где прилег отдохнуть и мог подслушивать разговоры.

Игроки медленно сложили карты и встали, кроме Лабазова. Тот, как ни в чем не бывало, продолжая сидеть, достал из нагрудного кармана небольшую отполированную из нержавеющей стали плоскую фляжку, не спеша отвинтил крышку и сделал из нее пару глотков. Затем встал, подошел к Салахову и протянул ему емкость:

– Товарищ подполковник, угощайтесь! Пятизвездочный! Армянский!

Салахов побагровел, но смелость и невозмутимость, с которой предлагал приложиться Лабазов, его смутили, и, казалось, лишили дара речи. Он, не говоря ни слова, резко развернулся и ушел. Примерно через час из штаба дивизии было получено распоряжение о снятии повышенной боевой готовности. Служба вновь пошла в привычном ритме.

ПЛОХОЙ СТРЕЛОК

При стрельбе из автомата он всегда снижал показатели взвода – либо мазал вообще, либо попадал в молоко. Рядовой Маппыайап Миитэрэй Тэрэнтэйэбис от рождения или Матвеев Дмитрий Терентьевич, как значилось в военном билете, был призван из Якутии.

– Матвеев, сегодня лучше, наконец-то попадать в мишень стал, – говорил ему командир взвода лейтенант Шаламов. – Якуты же хорошие стрелки, охотники, а почему у тебя ничего не получается?

– Я не охотника, я оленевода, – оправдывался Дмитрий. – Мой отец был охотника, пушнину добывал. Белке в глаз целился и попадал.

Он говорил целые фразы на чисто русском языке, но отдельные слова употреблял сообразно своему разумению.

– Закончить стрельбу! Оружие к досмотру! – скомандовал Шаламов.

Убедившись, что все в порядке, он повел свое подразделение в казарму.

Начальник продовольственной службы саперного батальона капитан Гляков Пантелей Германович был заядлым охотником. Подстрелить зайца, косулю или кабана на предельном расстоянии было для него удовольствием. Казалось, что других тем для разговоров, кроме охотничьих приключений

чений, для Пантелея Германовича не существовало. Дома на стене у него располагалась довольно обширная коллекция рогов разной формы и величины. Они были обработаны слоем лака, поблескивали в свете бра и казались рукотворными художественными произведениями. Огромные ветвистые лосиные рога висели под потолком, другие рядами ниже. Был у него особый рог – подарок кавказских друзей, из которого он угощал сослуживцев вином, когда те приходили в гости.

На субботу намечалась охота в районе артиллерийского полигона. Чтобы усадить всех желающих офицеров и нескольких помощников из числа рядовых взяли две машины: командирский уазик и санитарный автобус. Якута Дмитрия, или Митю, как дружески называли его товарищи, тоже волей случая включили в состав охотничьей группы. От него требовалось сторожить имущество и быть при рации. Уже на месте был определен сектор обстрела, назначены те, кто будет в засаде, и кто будет гнать дичь. Все поначалу складывалось удачно: подстрелили косулю, затем кабана. У Мити тоже был автомат с одной пулей в стволе на тот случай, если на него выскочит вепрь. Слышались крики погонщиков, но зверья больше не было. Неожиданно из густого зеленого кустарника в стороне от сектора обстрела послышалось странное хрюканье. Дмитрий насторожился, схватил автомат и выстрелил наугад. Хрюканье прекратилось. Вскоре охотники начали подтягиваться к стоянке. Не пришел

только капитан Гляков. Начали звать, но никто не отзывался.

– Может быть, заблудился, – предположил один из охотников.

– Нет, он эти места знает наизусть, – ответил ему сослуживец Пантелея Германовича. – А кто это стрелял? Я слышал одиночный выстрел из автомата.

Наступила угрюмая тишина. Все переглянулись, а Матвеев вздрогнул и произнес:

– Я стреляла, по свинье.

– По кабану? – переспросили его.

– Да, там хрюкало, – и он показал пальцем направление выстрела.

– Да, это же за сектором обстрела, мать твою! – не выдержал начальник полигона майор Сомов. – Ну-ка, дай сюда автомат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.